

НАПАДЕНИЕ

Глава 1

Клэр

Я умерла, а теперь снова и снова переживаю свою смерть. Хотя мое отсутствие в этом мире остаётся неизменным, способ ухода из него каждый раз представляется мне иным. Может быть, меня задушили, и я смотрела в бесчувственные глаза убийцы, скрывавшегося под маской, когда он сдавил пальцами мою гортань? Или это была веревка, завязанная вокруг моей шеи? Пытаюсь ухватиться за воспоминания, но они ускользают, словно волны в отлив.

Всё словно в тумане, но я чувствую, как кровь сочится из моей головы, и начинаю склоняться к такому варианту, что во внезапном приступе ярости он швырнул меня через весь гараж, разможив мой череп о задний бампер с правой стороны «Рейндж-Ровера», затем, ужаснувшись, стал сожалеть о том, что сделал.

Интересно, пытался ли он привести меня в сознание? Или просто хладнокровно убил, тщательно всё продумав? Был ли он вооружен ножом или, может быть, бейсбольной битой и, подгадав время моего прихода, терпеливо ждал, пока я войду в гараж с находками, собранными во время прогулки по пляжу? Была пятница — начало выходных

в честь Дня поминовения, и я чувствовала себя очень счастливой.

Неужели я умерла? Или это сон? Который сейчас час? Приходят ли люди на открытие моей выставки? Моя лучшая подруга управляет художественной галереей. Догадывается ли она уже, что я не приду? Пошлет ли она за помощью? В голове проскакивает мысль: меня ведь предупреждали, а я не послушалась. Моё сознание затуманено, а во рту пересохло; лицо и руки покрыты запекшейся кровью. В ушах звенит, и я слышу свой плач.

Вокруг шеи завязана веревка, натирающая кожу до крови. Я едва могу дышать и пытаюсь оттянуть её. Узел слишком тугой, и пальцы почти не слушаются — мои руки покрыты неглубокими порезами. Я вижу, как он размахивает ножом, попадая по моим рукам, когда я поднимаю их вверх, чтобы заблокировать удары. Однако, он не зарезал меня. Моё запястье разодрано, но это не от ножа. Он содрал с моей руки золотые часы, свадебный подарок.

Я по-прежнему нахожусь в старом продуваемом всеми ветрами экипажном сарае, который мы используем как гараж. Подо мной жесткий бетонный пол, и я ощущаю вкус собственной крови — признак того, что всё ещё жива. На полу рядом со мной валяются два куска расколотого дерева. Горло горит огнем от удушающей меня веревки. Я ломаю ногти, пытаюсь ослабить узел. И теряю сознание на твердом полу. Когда прихожу в себя, ощущаю, что мне холодно. Сколько я находилась в отключке: минуту или час, или целые сутки? Я умерла? Снова пытаюсь стянуть веревку с шеи — это должно означать, что я не умерла. Узел не поддается.

Всё ещё лежа на полу на спине, вытягиваю ноги и сгибаю ступни. Мои ноги двигаются. Держась за бампер машины, медленно поднимаюсь и опираюсь на зад-

ную дверь, оставляя кровавые отпечатки. Ладони, пальцы и внутренняя сторона запястий покрыты мелкими, неглубокими порезами.

В памяти всплывает образ: нож рассекает воздух, но едва касается меня, я размахиваю и молочу кулаками, уклоняюсь от ударов, а он смеется. Да, я начинаю вспоминать. На нем была черная маска. Он покачал моими часами передо мной — насмешка, которая, казалось, что-то значила для него, но не для меня.

— Покажи мне свое лицо! — крикнула я, борясь с ним.

Нападавший был в черных кожаных перчатках и синем комбинезоне, какие носят механики, и в маске. Значит, он это спланировал. Нападение не было приступом внезапной ярости. Он был готов к нему. Спрятал лицо и руки, чтобы его не узнали. Однако, его тело, высокое и худое, скрыть было невозможно.

Мой муж — Гриффин Чейз, прокурор округа Истерли в штате Коннектикут и кандидат в губернаторы на выборах в ноябре. Вероятность того, что он станет следующим губернатором, довольно высока; в его резервном фонде много денег, целое состояние: у него серьезные спонсоры, и всем им он дал обещания.

Он внимательно изучает дела, которые ведет. Рассказывает мне о том, что мужья сделали неправильно, и заверяет, что он никогда не допустит подобных ошибок. Гриффин выносит обвинения тем, кто совершают насильственные преступления. Он отправляет насильников, виновников бытового насилия, преследователей и убийц в тюрьму, а затем возвращается домой к ужину и говорит мне, что они — его учителя. Мой муж также неустанно поражается женщинам-убийцам, например,

матери двоих детей, которая была предана суду за убийство своей лучшей подруги.

Джон Маркус, убийца, которому он добился пожизненного заключения в октябре прошлого года, нанес своей жене сорок семь ударов ножом. Его поймали, потому что он случайно порезался, когда его рука скользнула по лезвию ножа, и его ДНК смешалась с её.

— Меня бросает в дрожь при одной мысли быть зарезанной, — призналась я Гриффину. — Увидев нож и поняв, что он собирается с ним сделать, я испытала бы дикий ужас.

И вот нахлынули воспоминания — четкие, уже не как во сне. Конечно, он не стал бы меня резать, потому что обвинение Джона Маркуса послужило ему примером, чего не следует делать. Но он, должно быть, запомнил мои слова о страхе перед ножом. Сейчас, прислонившись к машине, я вспоминаю, как лезвие, отражая дневной свет, струящийся через окно, вонзалось в мою ладонь, слегка рассекая её и внутреннюю сторону запястья, но никаких глубоких ран. Запугать меня до ужаса доставило бы ему удовольствие.

После того, как он швырнул меня, и я ударилась головой о бампер машины, он быстро затянул на моей шее веревку.

— Гриффин, сними маску — произнесла я, пока ещё могла говорить, прежде чем петля затянулась. Он хотел, чтобы моя смерть выглядела как самоубийство? Или все же собирался убрать мое тело после моей смерти? Спрятать на своем катере и вывести в Атлантический океан, за остров Блок-Айленд, где океанские впадины настолько глубоки, что человека никогда не найдут?

Он подбросил веревку один раз, второй. На третий ему удалось перекинуть её через балку, а затем он начал

тянуть, и я услышала, как веревка со странными звуками медленно заскользила по грубой деревянной перекладине у меня над головой. Он был сильным, его тело — подтянутым и спортивным.

Моя шея вытянулась, когда он дернул за веревку, легкие разрывало от воздуха, который у меня не получалось выдохнуть. Я поднялась на цыпочки, тянулась всё выше и выше. Схватила за петлю на шее и попыталась ослабить хватку. В глазах потемнело, и появились звездочки. *«Дыши, дыши, дыши»*, подумала я, услышав, как из горла вырываются всхлипы и булькающие звуки.

Я пыталась не отрываться от пола, но безрезультатно. Я билась и пинала воздух ногами. И потеряла сознание.

В какой-то момент мне показалось, что сквозь пелену предсмертной агонии я услышала крик снаружи, пронзительный вопль — дикий, буквально первобытный. Поэтому он оставил меня там, не доведя дело до конца? Неужели этот звук спугнул его? Или он исходил из моего собственного горла? Может быть, нападавший убежал на кухню и спрятался в доме? Или выскользнул из гаража и сбежал по тропинке вдоль пляжа? Должно быть, он посчитал, что я умерла или скоро умру.

Поднимаю глаза на потолок гаража. Одна из балок сломана, её обломки валяются на полу рядом со мной. Я понимаю, что она сломалась под моим весом, и на глазах выступают слезы. Этот старый экипажный сарай был построен в начале двадцатого столетия. Тогда же прадед Гриффина, губернатор штата Коннектикут, первый из рода Чейзов занявший политический пост, построил «коттедж» — в детстве я назвала бы его особняком. Мы живем на берегу моря, и бесчисленные сильные северо-восточные ветры и ураганы изрядно потрепали сарай. Мы уже много лет собирались его укрепить. Балка над-

ломилась, я упала на пол и осталась в живых. Это обветшалое старое строение спасло мне жизнь.

Моя левая лодыжка сильно ушиблена и распухла, а ноги онемели. Смогу ли я пройти через задний двор, пересечь каменный мост до прибрежного болота, а от туда сквозь густой сосновый лес добраться до безопасного места, которое мы с отцом построили вместе? Это длинный путь. Оставлю ли я за собой следы крови, которые могут «сдать» меня Гриффину? В полиции штата есть кинологическое подразделение. Гриффин позаботится о том, чтобы его прислужники послали за мной поисковых собак.

Когда меня хватятся? Будет ли у меня достаточно времени, чтобы добраться до нужного мне места, пока не заметят мое отсутствие. Меня всю трясет. Смогу ли я это сделать? А если полиция найдет меня раньше? Они преданы Гриффину. Мой муж заправляет правоохранительными органами в Коннектикуте. Он уже был человеком власти, а поддержка его кандидатуры на выборах в губернаторы дает ему еще больше влияния. Секрет, который я храню, может разрушить его карьеру. И когда правда выплывет наружу, его предвыборная кампания закончится, а люди, поддерживающие его, будут вне себя от ярости.

Вспоминаю про полученное письмо, в котором содержалось предупреждение. И почему я не послушала?

Руки болят. Я снова представляю нож, и ноги подкашиваются.

Придерживаясь за стены гаража и пошатываясь, направляюсь к полке в задней его части и достаю банку со средством для отпугивания животных — вонючей порошкообразной смесью мочи лисы, рыси и пумы, которую я когда-то приобрела, заказав по почте. Она предна-

значена для того, чтобы не подпускать оленей к садам, а собак держать подальше от границ наших владений. Запах хищников настораживает других животных, вызывая у них страх. Мой отец, который хорошо знал лес, рассказал мне, что у этой смеси есть и другое применение: если распространить средство в дикой природе, оно будет привлекать тех животных, чья моча использовалась для его изготовления.

Даже когда мой отец умер, мы сохранили духовную связь с помощью мифического горного льва, который, как говорят, живет глубоко в лесу, расположенном по соседству. Возможно, этот большой кот — всего лишь призрак, как и мой отец или представители племен неантиков и пекотов*, которые жили здесь до нас. Но я видела отпечатки больших лап, ходила по этим следам, собирала пучки жесткой желтой шерсти для своей работы, и я видела его тень.

Мог ли тот крик, который я услышала перед тем, как должна была умереть, быть пронзительным кошачьим воплем?

Запах этой смеси собьет поисковых собак со следа. Они будут увлечены возможностью появления дикого животного; будут обнюхивать линию границы, которую я создам. Собаки не пересекут её и забудут о своем объекте преследования — обо мне. Уроки моего отца, вкупе с многолетней любовью к лесу и моими наблюдениями за поведением его обитателей, помогут мне спастись.

---

* Неантики — индейское племя, которое в ранний колониальный период жило на территории штатов Коннектикут и Род-Айленд. В результате постоянных конфликтов с английскими колонистами к 1870 году неантики были объявлены вымершим племенем.

Пекоты — индейское племя, которое в XVII веке населяло большую часть территории штата Коннектикут.

Нахожу в шкафу пляжное полотенце и прикладываю к ране на голове. Кровь пропитывает его насквозь, я потрясена её количеством, потому что на полу уже образовалась лужа. Сколько ее уже потеряно?

Я чувствую слабость и едва удерживаю в руках банку. Часть порошка просыпается на пол. Пытаюсь вытереть его, но от зловонного запаха меня чуть не тошнит. Когда поисковые собаки появятся здесь, они зарычат и отпрянут от этого угла. Они будут настороже еще до того, как начнут поиски.

Направляюсь к выходу и спотыкаюсь о веревку, привязанную к шее. Если узел не развязать, я могу хотя бы попробовать его разрезать. Осматриваю «Рейндж-Ровер» в поисках ножа, которым воспользовался нападавший, но не нахожу. Должно быть, он забрал его с собой.

На ржавом гвозде висят садовые ножницы, которыми я обычно обрезаю розы и гортензии. Ручки отлично ложатся в ладонь, но пользоваться ими сейчас больно. Хватит ли у меня ловкости перерезать веревку вместо артерии? Я царапаю кожу, но все же получаю победу — веревка падает на пол. Это отнимает у меня все силы, поэтому я сажусь и надеюсь, что смогу снова встать до прибытия полиции.

Полицейские участки по всему восточному Коннектикуту, которыми заправляет Гриффин, будут расследовать мое исчезновение, используя все силы при поддержке его Управления. Подозрение падет на жестоких преступников, которых Гриффин отправил в тюрьму, уж он об этом позаботится. Люди будут считать, что кто-то хотел отомстить. Детективы проверят каждого из недавно освободившихся осужденных. Они допросят семьи заключенных, которые все еще находятся за решеткой.

Мой муж созовет пресс-конференцию и заявит, что полиция поймает того, кто причинил мне вред, похитил или убил меня, затем избавился от тела. Также муж заверит, что он лично привлечет к суду этого человека и добьется справедливости для меня. Эта трагедия укрепит его имидж: государственный служащий, скорбящий муж. Я стану хэштегом: #СправедливостьДляКлэр.

Но прежде он, кто-то из его команды или кто-нибудь из его политических сторонников, которым есть что терять, найдут меня и убьют.

Объятая ужасом и изможденная, я задыхаюсь от рыданий. Я ведь любила своего мужа больше, чем кого-либо, я ведь так любила этого человека, который сейчас хотел моей смерти... У меня кружится голова, и я едва держусь на ногах. На минуту задумываюсь о том, чтобы зайти в свою студию за домом и взять письмо. Но зачем? Я проигнорировала его в самый важный момент, когда оно могло меня спасти. Пусть остается в своем тайнике. Если я умру, если никогда не вернусь, оно станет свидетельством того, что произошло.

Пришло время мне отправиться в путешествие. Расстояние будет небольшим, но сил потребуется бесконечно много. Может, я брежу, приходя в себя после нехватки кислорода, но чувствую, как большой кот бесшумно бродит в лесу передо мной, через который и будет проходить мое путешествие. И я осторожно выдвигаюсь в путь. Страх — это дар. Именно так я сохраню бдительность и останусь в живых.